

Жизнь состоит из парадоксов.

Телепередача

«Преступление

без наказания» явно

не удалась, однако

и президент, и премьер-

министр намерены

добиться проведения

«Преступления без

наказания-2»

с теми же ведущими,

но с первыми лицами

вместо заместителей. В

чем же секрет «успеха»?

— В понедельник, 24 февраля, мне позвонили из ОРТ и попросили в тот же день встретиться с Березовским и представителями других каналов в связи с подготовкой программы к годовщине смерти Влада Листьева. На встрече присутствовали, помимо Бориса Абрамовича, Константин Эрнст, Андрей Разбаш, Саша Любимов, Александр Пономарев, Евгений Киселев и другие телевизионщики. Мы обсуждали, как в этот раз нам отметить годовщину убийства Влада. В прошлом году получилось, по-моему, не слишком удачно: программа выглядела как узкокошечное мероприятие.

Мы решили воспользоваться годовщиной и тем, что это убийство не раскрыто, для того чтобы поговорить обо всех убийствах вообще, о том чувстве незащищенности, которое испытывают миллионы и миллионы людей. Надо пригласить первых лиц, то есть министра внутренних дел, генерального прокурора, директора ФСБ. Поначалу хотели даже позвать кого-то из Верховного суда, но потом решили: раз некого пока судить, то незачем приглашать и судей. Все сошлись на том, что это хорошая идея. И что в создании программы должны участвовать первый, второй и четвертый каналы.

Эфир должен был состояться в субботу, и меня смущала неподготовленность передачи: по сути дела, настоящей концепции еще не было. Я решил, что для меня эта передача вот о чем: да, сегодня годовщина со дня убийства Влада. Да, мы приглашаем людей, имеющих прямое отношение к нашей защите, к правопорядку и охране. Но, в принципе, можно пригласить любых других, по любому другому поводу. И получилось бы то же самое. Вопросы социальные — то же самое, вопросы экономические — то же самое, вопросы

Офисная работа.
- 1994-6-12
март - с 12.

МОНОЛОГ

Успешный провал

Владимир Познер дает свою оценку происходящему

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

политические — то же самое. Для меня эта программа была поводом высказать свое недоверие власти.

Последние пять лет я работал в Америке по контракту, но месяц назад принял решение его не возобновлять, не искать там другую работу, а вернуться домой. Весь февраль я прожил в России и сделал для себя некоторые выводы. Прежде всего мне пришлось признать, что то правительство, которое сегодня стоит у власти, недееспособно. Я говорю это с тяжелым сердцем.

На первой же встрече в «Останкино» я высказал мнение, что первые лица не придут. И в этом проявится их безразличие, их трусость и их некомпетентность. Тем не менее письма им были разосланы. И в течение всей недели из правительства поступали разные сигналы. Поначалу стало известно, что первые лица не придут, собираются вместо себя прислать заместителей. Потом, ближе к концу недели, стали договаривать, что вроде бы и Ковалев собирается прийти, и Куликов готов. За два часа до эфира нам позвонили из МВД и сказали, что Куликов едет. Потом мы узнали,

что выехал Ковалев. И только когда я вошел в гримерную, мне пример сказал, что вместо Куликова приехал Колесников.

Подготовка передачи, насколько я понимаю, была поручена ВИДУ. Существовала неопределенность с ведущими. От первого канала программу должен был вести либо я, либо Саша Любимов. У Светланы Сорокиной в тот день был прямой эфир на втором канале, и она хотела отказаться. Я же полагал, что без нее не обойтись. Сорокина вызывает доверие и уважение, что очень важно для такой передачи.

Только в субботу, в 12 часов, Эрнст сказал мне, что Сорокина дала согласие. Последние полчаса шла утряска передачи. Ощущение неподготовленности, неясности цели так и осталось у меня вплоть до начала эфира.

В одной из газет Александр Сергеевич Ципко говорит о том, что эфир был «не совсем, прямой», всячески намекая на политические игры. Это обидно, потому что Ципко меня хорошо знает и знает, что я не играю в такие игры. Со мной бесполезно даже разговаривать на эту тему. Значит, либо он считает, что я не очень

умный человек и меня провели, либо что я лицемер.

Но эфир был прямой для части телезрителей, а для других — практически прямой. Во-первых, программа демонстрировалась по «Орбите» на Дальний Восток и часом позже — на Сибирь, без всяких сокращений. Во-вторых, мы страшно перебрали по времени. Программа вместо 52 минут длилась час девятнадцать. Для всей сетки вещания это — катастрофа, приходится перекраивать всю программу, опубликованную в газетах. Поэтому передаче — сколько — подрезали, в сумме минут на девять. В основном за счет ведущих. Но я сам был за это, чтобы у тех, кто выступал, не было к нам претензий.

Например, то, что я говорил в конце программы, порезали основательно. А я говорил вещи, очень существенные для меня и важные в контексте передачи.

Я рассказал о том, как я 30 лет занимался пропагандой советского строя. Воевал за идеи советской власти, рассказывал американцам, что у нас все хорошо. Но когда, наконец, я понял, что все это — ложь, мне пришлось выйти из партии, из политобозревате-

лей, уйти, хотя меня никто не увольнял. И мне пришлось себе признать в том, что я 30 лет выбросил из жизни. Это тяжелое признание, но я тогда себе сказал: больше никогда в жизни не буду служить и никогда в жизни не позволю себе обманываться. Если бы мне, телевизионному ведущему, заявили: вам больше не верят, я, как человек чести, положил бы микрофон, сказал: «Спасибо, что до сих пор слушали» и ушел. Именно поэтому я хочу сегодня сказать, что больше не верю этому правительству.

В результате из передачи убрали все, что касалось этих 30 лет, и оставили последнюю фразу. Мне кажется, что зря.

Больше всего меня поражает разница между тем, какотреагировали на программу наши коллеги по перу и как к ней относятся люди, которые останавливают меня на улице и говорят: какая потрясающая программа! Вплоть до того, что я заезжаю на какую-то платную стоянку, и мне там говорят: с вас мы денег не берем. Для меня это — выражение благодарности за честность, я иначе это не расцениваю.

Каждое воскресенье я веду программу на радио «На семи холмах». Обычно говорю о главных политических событиях недели. Но в этот раз звонки были только о передаче. И за два часа только один — в духе газетных комментариев.

Я понимаю всю слабость этой передачи, ее неорганизованность, ее неряшливость. Понимаю, что разговор не получился. Но передача произвела гигантское впечатление на миллионы людей. Это — первые заместители! Первые! Кто же тогда — сами «первые»?

Хотя мы не ставили перед собой цели выставить их в таком свете. Я был бы рад, если бы тот же Владимир Ильич Колесников в передаче нашел аргументы и нормально, толково объяснил: да, тока у нас не получается, мы это сами знаем. Но не думайте, что мы не хотим. Мы стараемся — но нам мешает это и это, есть такие-то причины, из-за чего мы не мо-

жем добиться результатов. Если бы все так и произошло, я бы сказал: ну вот, есть люди думающие, понимающие, переживающие. Но говорил-то он совсем другое. И это меня убило. В конце концов я сидел, опустив голову. Какой смысл во всем этом? Никакого, можно только показать пальцем и сказать: вот, смотрите!

Записал
Иван ЗАСУРСКИЙ

Познер Владимир

6-12.03.94